

ИСТОРИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ИДЕЯ

Тезисы

Первое, о чем следует сказать в связи с пониманием истории – это то, что Мишель Фуко назвал «порядком времени», сменившим собой «порядок тождеств и различий». С его внедрения в теоретический дискурс XIX в. начинается «век Истории». «Для мысли XVIII века временные последовательности были лишь внешним признаком, лишь нечетким проявлением порядка вещей. Начиная с XIX века, они выражают – с большей или меньшей прямоотой, вплоть до разрывов, – собственный глубоко исторический способ бытия вещей и людей»¹. Время в качестве «способа бытия вещей и людей» – исходный пункт в понимании природы исторического.

Не все, что существует во времени, является, конечно, историей. Время, с которым имеют дело астрономы, физики, биологи – не историческое. История есть способ бытия такого сущего, которое сознает свою временность, конечность, пытается как-то ослабить или преодолеть ее путем выхода (экзистирования) за ее пределы назад или вперед, т.е. в прошлое или будущее. Так возникает историческое время с основными временными модусами – прошлым, настоящим и будущим. К постижению существующей между ними связи, собственно, и сводится философское постижение истории. Простая череда событий в их фактической данности и хронологической последовательности не является еще историей в точном смысле этого слова. Если в классических версиях философии истории (от Вольтера до Гегеля) прошлое, настоящее и будущее связаны между собой непрерывной и восходящей линией развития, называемой прогрессом, то в более поздних версиях между ними не усматривается никакой причинно-следственной связи. Идея прогресса, по мысли Вальтера Беньямина, высказанной им в знаменитом эссе «О понятии исторического», антиисторична по своей сути, является идеей класса-победителя, пытающегося изобразить свою победу как закономерный итог всей предшествующего развития. Реальная же история предстает не как развитие чего-то изначально данного, в котором одно плавно перетекает в другое, а как предельное и никогда не ослабевающее напряжение человеческой воли, стремящейся вырваться за пределы наличной действительности, перейти черту, отделяющую существующее от еще несуществующего.

История – не столько прогресс, сколько постоянно происходящая революция («перманентная революция») с непредсказуемым результатом. Знание прошлого еще не дает знания настоящего и будущего, что свидетельствует об отсутствии здесь каких-либо общих законов (наподобие природных), позволяющих предугадывать ход событий с той же точностью, с какой, мы предвидим, например, смену времен года. Но как еще возможна историческая связь времен? В этом пункте и намечается переход от эмпирической историографии к философии истории.

История для историка – все то, что существует до нас и без нас, как вне нас находящаяся реальность или как только *объект* познания. В таком качестве она есть *прошлое*. Для философа история есть прежде всего то, что происходит с нами сейчас, при нашей жизни, т.е. *настоящее* (или современное). Без нас, живущих в настоящем, нет никакого прошлого, следовательно, нет истории. Но на вопрос о том, что считать настоящим, ответ может дать только философ. Ибо настоящее тоже существует в истории и, значит, имеет свой предел и конец.

В отличие от прошлого у настоящего есть *будущее*. У прошлого будущего нет. Понятно, что жившие до нас люди имели какое-то представление о будущем, но оно

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М. 1977. С. 362. а

вместе с ними ушло в прошлое. От того, как мы понимаем будущее, зависит понимание нами настоящего и прошлого. В своем постижении истории философы в отличие от историков движутся как бы в обратном направлении — не от прошлого к будущему, а от будущего к прошлому. Для историков такое направление мысли неприемлемо, даже антинаучно, для философов оно - единственно возможный способ постижения истории в ее единстве и целостности. Человек, не задумывающийся о будущем, в истории не живет.

Как бы ни различались между собой прошлое, настоящее и будущее, человек существует в них в одном и том же физическом времени, остается смертным, конечным существом, подобным всем другим живым организмам. Но если животная особь, живя жизнью своего вида, видимо, не осознает факта своей собственной неизбежной смерти, то человеческое существо с самого начала своей истории осознает свою временность, конечность, смертность. Отсюда его желание растянуть время, продлить его, выскочить за его пределы в какое-то иное пространство, над которым время уже не властно. История – не просто временной поток, обращающий все в прошлое (в таком качестве она ничем не отличалась бы от природного процесса), но постоянное усилие людей вырваться из «плена времени», освободиться от его власти, прорваться туда, где царит «вечность» и «бессмертие». В этом смысле история есть борьба человека с временем, его постоянное усилие воздвигнуть на его пути разного рода плотины и преграды в виде разного рода социальных систем. Ведь любое общество как бы пытается остановить время на себе, стать последним в истории, т.е. предстает своего рода пожирателем времени. И нужны столь же огромные усилия, вплоть до революционных, чтобы из одного общества прорваться в другое. Разные формы сочетания, сопряжения времени с вечностью и делят историю на прошлое, настоящее и будущее. Необходимость при анализе этих форм обращаться к такой не верифицируемой категории, как вечность (в том или ином ее символическом оформлении), и делает историю предметом не только научного познания, но и философской рефлексии.

В мифологическом времени вечность, символизированная тотемом или племенным божеством, находится в истоке всего происходящего, в начале всех времен, позади живущих людей, чему они поклоняются, но с чем себя прямо не отождествляют. Время их жизни целиком во власти богов, добрых или злых духов, не знающих смерти. Люди и умирают не по причине собственной смерти, а по воле богов («Бог дал, Бог и взял»). Единственный способ оттянуть неизбежный конец – это умиловить богов, вступить с ними в союз посредством разного рода обрядовых и ритуальных действий. Наличие богов, не знающих смерти – главное, что отличает их от животных.

В мировых религиях, пришедших на смену мифу, время предстает в виде неотвратимой судьбы, перед властью которой не могут устоять ни вещи, ни люди. Оно несет с собой не только исчезновение и забвение, но и постоянное воспроизведение одного и того же. Поскольку назад пути нет, а впереди лишь повторение пройденного, индивиду в плане личного спасения не остается ничего другого, как только путь на небо, в потустороннее царство вечной жизни. Вертикаль, ведущая на небо - единственная возможность прорваться здесь в вечность. С возникновением греческого полиса человек обретает такую возможность и посредством чисто мысленного созерцания сверхчувственных и вневременных материальных или идеальных субстанций, что, собственно, и породило философию.

Открытие «трансцендентного» (потустороннего) мира Ясперс назвал «осевым временем» истории. Приобщаясь к нему, народы входят в историю, становятся историческими народами. Первыми были китайцы, индийцы, иранцы, иудеи и греки. Восточных мудрецов, иудейских пророков и греческих философов объединяет то, что они почти одновременно (между 800 и 200 гг. до н. э.) открыли

трансцендентный мир, увидели в нем единственное спасение человека от ужаса конечности и бренности его земного бытия. То, что в мифе было уделом одних лишь богов, а именно вечность и бессмертие, в опыте религиозной веры и философского умозрения стало доступно и человеку, пусть ценой его особых усилий и медитаций. С этого, согласно Ясперсу, и начинается история (предшествующее время он называет доисторическим).

Мир, в котором вечность царит над временем, предстает как господство сакрального над мирским, субстанциального над темпоральным, откровения над опытным знанием. Время воспринимается здесь как движение в направлении усиливающего хаоса и возрастающей энтропии, как отпадение, отклонение от изначального порядка вещей. «Золотой век» здесь всегда позади. Настоящее – всего лишь ухудшенный, искаженный или деградировавший вариант прошлого. Историю понимают здесь исключительно как прошлое, как то, что уже состоялось, находится позади и существует как простой калейдоскоп фактов, не имеющих между собой прямой связи и последовательности. В лучшем случае ее изображают в виде разного рода жизнеописаний, летописей и хроник, ведущих отсчет времени на основании всем памятных дат, имен и событий.

Рубеж, отделивший настоящее от прошлого, возник, видимо, вместе с переносом главного интереса в объяснении мира с сакрального на мирское. Начало этому отделению было положено перемещением вечности из потустороннего (трансцендентного) мира в мир посюсторонний – но не тот, что позади (как в мифе), а что впереди, который еще только должен наступить. Спасение от всепоглощающей власти времени будут искать теперь не на небе, а на земле. Вертикаль, ведущая на небо, как бы опрокинется вперед, превратится в горизонталь, связующую настоящее с *будущим*. На смену упованию небесного царства придет социальная утопия с ее верой в «светлое будущее». В стремлении предугадать, предвосхитить это будущее, придать ему осознанную форму «цели», «назначения», «смысла» истории, или ее «идеи», собственно, и состоит философское постижение истории, давшее начало философии истории Нового времени. Отсюда названия большинства философских трудов на эту тему — от «Идеи к философии истории человечества» Гердера и «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Канта до «Идеи истории» Коллингвуда. Идея здесь не то, что уже состоялось в истории, а что в качестве ее цели (или назначения, по терминологии Ясперса) позволяет представить ее как единый и целостный мировой процесс. Вне такой идеи история распадается на параллельно сосуществующие, ничем не связанные между собой отдельные фрагменты и куски, называемые иначе «локальными цивилизациями», которые, по мнению большинства историков, и служат единственно доступным исторической науке предметом познания. Короче, без «идеи истории» нет и истории, понимаемой как *всемирно-исторический процесс*. Но как эта идея дана сознанию философа?

Если прошлое сохраняется благодаря исторической памяти, на страже которой и стоят историки, то будущее предстает перед нами в виде *цели*, которую люди ставят перед собой под воздействием внутренних или внешних обстоятельств. Сама способность к целеполаганию свидетельствует об их принадлежности к истории. Для философа эта цель оправдана в том случае, если продиктована не случайными, корыстными и потому ложными мотивами и побуждениями людей, а их разумом, т.е. имеют разумное оправдание. В таком качестве она и получает форму философской «идеи истории».

Со времен Канта известно, что идеи не имеют предмета в опыте, не могут быть получены опытным путем. Их нельзя подтвердить фактическими данными и эмпирическими свидетельствами. Они, согласно Канту, находятся в ведении не теоретического рассудка с его способностью к чувственному синтезу посредством категорий, а совершенно особой «способности суждения» на основании

предполагаемой цели, т.е. телеологической способности. Данная способность, согласно Канту, основана на природе самого разума, свободного от всякой чувственной заинтересованности и действующего в силу не внешней, а внутренней необходимости с ее целевой детерминацией. С позиции науки попытка судить об истории в целом на основании предполагаемой цели разума по отношению к ней может показаться чистой утопией. Но именно она позволила представить историю в единстве всех ее времен - прошлого, настоящего и будущего. После Канта и Гегеля, как бы завершивших собой эпоху философской классики, в том числе и в области истории, будущее в глазах философов постепенно утрачивает значение искомого вечного, способного освободить человека от власти всего временного и конечного, что в итоге и породило сознание «конца истории». Эпоха модерна, приведшая к победе частного начала во всех сферах общественной жизни, утвердила взгляд на мир, в котором нет места ничему вечному и абсолютному. Главным признаком модерна (современности) и стала победа времени над вечностью (как до того – вечности над временем). В модерне время окончательно вытеснило из сознания всякую отсылку к вечным сущностям и субстанциям в их религиозном и метафизическом истолковании. Все трансцендентное утратило свою силу. В равной мере это время отмечено и отказом от всякого утопизма. На смену утопиям пришли антиутопии, с их пессимистическим восприятием будущего общества. Но как совместить социальный утопизм с его верой в надвременное будущее с историческим релятивизмом, не допускающим ничего окончательно сложившегося и вневременного? То и другое - неотъемлемые признаки модерна. Вроде бы естественное желание отказаться от всякого утопизма в пользу науки обернулось почему-то и отказом от самой истории, понятой как движение к какой-то цели. Во всяком случае, так поставил вопрос Карл Манхейм в своей «Идеологии и утопии».

Вне связи с вечностью время в модерне обретает характер безличного времени социальных изменений с разной степенью длительности, которое исчисляется в тех же единицах, что и природное время, но только применительно к социальным явлениям и процессам. Это время жизни вещей, но не людей. Время же человеческой жизни, как и в язычестве, опять сводится к времени жизни человеческого тела. По словам Зигмунта Баумана, путь в вечность перекрыт для современного человека и ему остается сосредоточиться на своем телесном существовании, найти в нем смысл и ценность. Забота о теле становится его главной заботой. Наиболее значимым и более всего переживаемым событием человеческой жизни является смерть. Во всем видят теперь неизбежную печать смерти, признак надвигающегося конца, приближающейся гибели. Смерть - главная тема и художественного творчества. По словам Баумана, «самые известные художественные артефакты наших дней высмеивают бессмертие или обнаруживают к нему полное равнодушие... Исчезновение и умирание – вот что выставляют ныне в художественных музеях»².

История уже открыта в модерне, но не стала еще человеческой историей в точном смысле этого слова. До сих пор юди создавали историю, но не жили в ней. Такую историю можно назвать историей вещей или идей - государства, капитала, науки, техники, искусства, всего, чего угодно, но только не историей самих людей. В большинстве своем они живут здесь под властью времени, которое принято называть *рабочим временем*. В обществе, базирующемся на рабочем времени, прошлое и будущее существуют, скорее, как предмет праздного любопытства, зрелища, развлечения, но не как реальное пространство человеческой жизни. В рабочее время цели, которыми руководствуются люди в своей деятельности, практически никак не совпадают с целями их собственной жизни. Отсюда утрата

---

² Зигмунт Бауман. Индивидуализированное общество. С 314.

ими сознания своей прямой причастности к истории, своей непосредственной включенности в нее. История движется как бы не их и помимо них.

Этим и продиктована необходимость перехода к постмодерну, понимаемому как общественное состояние, базирующееся на *свободном времени*. Свободное время – это время производства человеком себя во всем богатстве своих связей и отношений с другими людьми. Только в нем человек обретает возможность в границах физически конечной жизни соприкоснуться с вечностью. Вечность, выносимая до того за пределы времени – в его начало или конец - в свободном времени включена в само время, позволяя каждому, владеющему им, вступать в общение со всеми, с кем он считает нужным - предками, современниками и потомками. Именно в свободном времени заключено решение «загадки истории», понимаемой как единство временного и вечного, локального и универсального. Свободное время, видимо, и есть та реальность, которую философы обозначали как «идею истории», в чем видели ее цель или назначение. Свободное время – не конец истории, а сама история, понимаемая как производство человеком себя во всей целостности своего общественного существования, преодолевающего все разделяющие его границы с прошлым настоящим и будущим. Философия истории, с этой точки зрения, и есть постижение истории с позиции человека, живущего в свободном времени.

Публикации автора на тему доклада

1. Культура и история. М., 1977.
2. Философия истории и историческая наука. «Вопросы философии». М., 1994. № 4.
3. Идея мировой истории Карла Маркса. Журнал «Логос». М., 2016. №2.
4. История в зеркале философии. Журн. «Эпистемология и философия науки». М., 2016. Т. XLVII. №1. С.25-36. Ответ оппонентам. Там же. С.62-66. Перевод на англ. в журн. «Russian Studies in Philosophy». S. 9 -44.
5. Нужна ли сегодня философия истории? Дискуссия с Гржебовым в передаче Ю.Синеокой «Реплика». Есть видео в Интернете. Готовится к публикации.
6. История, цивилизация, культура. Опыт философского истолкования. Сборник статей, докладов и выступлений. СПб., 2011.